

Т.И.Кошелева

ОБРАЗ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В БОГОСЛУЖЕБНОМ ТЕКСТЕ

Рассматриваются способы и средства создания образа императора Петра Первого в тексте православной службы, посвященной победе России в Полтавской битве. Автором текста службы — архиепископом Феофилактом (Лопатинским) — личность императора-победителя представлена посредством параллелей, проводимых между Петром и лицами библейской и христианской истории. Иногда эти параллели выражены в виде конкретных сравнений и метафор, а иногда приобретают форму не сразу различного намёка, аллюзии. Подобные аналогии ставят царя Петра в один ряд со святыми и даже с Самим Христом, что дало повод исследователям русского литургического творчества резко критиковать и текст службы, и созданный в этом тексте образ Петра.

Ключевые слова: богослужебный текст, интертекстуальность, прецедентный текст, прецедентное событие, аллюзия, реминисценция

Интерес к личности Петра I, неиссякаемый в историческом сознании нашего народа на протяжении более чем трёх столетий, находит воплощение в образах, созданных в разное время литературой, публицистикой, живописью, музыкой. Интерпретации образа императора являют нам Петра-реформатора, Петра-труженика, Петра-угнетателя, Петра-победителя. Значительный интерес представляет образ императора-победителя в гимнографическом тексте, тем более что само упоминание о Петре Первом в православном богослужении выглядит удивительным, ведь гимнографические тексты прославляют святых, а император Петр не причислен к лику святых, и отношение Церкви к деятельности императора весьма неоднозначно.

Тем не менее, образ Петра присутствует в русской Минее за 27 июня (старого стиля). В этот день совершается благодарственная служба в память о Полтавской битве: «Служба благодарственная Богу, в Троице Святой славному, о великой, Богом дарованной победе над свейским королем Каролом вторым надесять и воинством его, содеянной под Полтавою в лето от воплощения Господня 1709, месяца июня в 27-й день» [1].

Автором текста службы считается архиепископ Феофилакт (Лопатинский), богослов, философ, церковный деятель эпохи Петра I.

Выпускник Киевской-Могилянской коллегии, затем наставник того же учебного заведения, преподаватель и ректор Московской славяно-греко-латинской академии, советник, а затем второй вице-президент Святейшего Синода, архиепископ Феофилакт в своих воззрениях являлся приверженцем старых киевских традиций и не был тем человеком, который подходил к новому правительственному курсу, а потому не мог быть помощником императору Петру в его преобразованиях. В своих антипротестантских взглядах он был противником Феофана Прокоповича, сподвижника Петра I, составителя того самого «Духовного регламента», который определил, как известно, подчиненное государству положение Церкви на долгие годы (от Петровской эпохи до начала XX в).

Тем не менее, именно архиепископу Феофилакту, человеку прекрасной образованности, знатоку византийской и древнерусской церковной литературы, Петр I поручил составить текст службы в честь победы в Полтавской битве.

По словам известного русского литургиста, исследователя русской гимнографии Феодосия Георгиевича Спасского, в этой службе «слышны литавры победного марша, композиции придворного витии, невозддержанно применяющего события Священной истории к обстоятельствам и лицам современной ему эпохи» [2].

Этот имперский, помпезный, невозддержанный в применяемых сравнениях и метафорах характер службы отмечается многократно и всеми другими исследователями данного текста. Битва со шведами представлена автором службы «как апокалиптическая брань с дьяволом» [3]. Шведское воинство во главе с королем Карлом XII метафорически соотнесено с библейскими образами врагов народа Божия: «с ересиархом Симоном, с гордым фараоном, потопленным богом в Чермном море, с деспотом Навуходносором, с жестоким и коварным римским императором Максенцием, разгромленным Константином» [4], а Россия представлена в соборном образе рода христианского, возвышающегося над врагом.

В таком гимнографическом осмыслении прославляемого исторического события значительный интерес представляет образ императора Петра I, Петра-победителя.

Образ императора представлен в службе посредством параллелей, проводимых автором между Петром и лицами библейской и христианской истории. Иногда эти параллели выражены в виде конкретных сравнений и метафор, а иногда приобретают форму не сразу различного намёка, аллюзии.

Наиболее часто встречающаяся в тексте службы реминисценция, связанная с Петром, — отсылка к фигуре ветхозаветного царя Давида. Сама Полтавская битва метафорически представлена во многих частях службы как битва Давида с Голиафом:

Препрославлен еси, Господи Боже наш, даровавший крепость на враги отечеству нашему, якоже Давиду на прегордаго Голиафа, осенил еси над главою его в день брани, препоясал еси немощныя силою свыше и теми всю дерзость вражью низложил еси. Многомилостиве, слава Тебе (Тропарь).

Имяются сведения о том, что образы Давида и Голиафа были введены в службу по просьбе самого Петра I, а «наваяны они были царю проповедью Феофана Прокоповича» [3, с. 39]. Возможно, этот факт стал поводом для некоторых исследователей считать автором текста службы именно Феофана Прокоповича, а не Феофилакта.

Так или иначе, автор службы ввёл прецедентные библейские имена Давида и Голиафа в текст богослужения, разумея под Давидом Петра, а под Голиафом — шведского короля Карла XII. Сравнение Петра с Давидом неоднократно повторяется и в текстах стихир:

Боже, песнь нову воспеваем Тебе, дающему спасение людем, избавляющему Петра, якоже Давида, раба Своего, от стреляния люта... (Стихира на Господи воззвах).

Надо отметить, что незаурядный талант автора позволил ему, пользуясь наработанными в византийской и древнерусской гимнографии приёмами, соединить в данных стихах интертекстуальные аллюзии на Священное Писание и указание на исторические факты, связанные с Полтавской битвой:

Не ста нога на правоте супостата нашего, темже и уязвлена правды стрелянием; Петра же, якоже Давида, нога ста на камени православнаго исповедания и истины... (Стихира на литии) — аллюзия на 25 псалом царя Давида: «*Нога моя ста на правоте*» (Пс. 25:12) обыграна в стихире упоминанием о ранении в ногу короля Карла накануне Полтавской битвы: «*уязлена правды стрелянием*».

Образ победы Петра-христианина над Карлом-«лжехристианином» присутствует в виде сравнения Петра с христианским царём — равноапостольным Константином Великим, низложившим узурпатора Максенция:

Светосиянен Крестя образ на небеси виде, царь Константи́н Максенти́я победил; сим же знаменем и Петр, свейскаго Максенти́я низложил силу, Богу победителю благодарение возсылает (Канон, песнь 3) — сравнение Петра с Константином поддерживается метафорическим перифразом «свейский Максентий», используемым для наименования Карла XII.

Наверно, невозможно было автору службы, создавая в тексте образ императора-победителя, не использовать факта тезоименитства императора Петра апостолу Петру. Сравнение царя Петра с первоверховным апостолом в тексте службы также встречается не один раз:

Иже Петру на мори подаде руку, Сей и ныне во время ратнаго волнения Петра ят за руку и изведе его от печалей многих (Канон, песнь 6) — аналогия с Евангельским сюжетом о спасении утопающего апостола Петра.

Петр апостол рече: супостат наш диавол, яко лев. Петр же российский виде супостата льва, яко диавола, вниде бо в державы Российския, но ничтоже, кроме рыкания, сотвори, низложен бо и изгнан Господем нашим, Егоже перевозите во вся веки (Канон, песнь 8). В данном тропаре канона кроме отсылки к I Соборному посланию апостола Петра («*Трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев, рыкая, ходит, искый кого поглотити*» (I Пет. 5:8)) в тексте содержится символическая аллюзия на геральдику Швеции (изображение льва на гербе шведов), потому шведское войско и сам король Карл XII последовательно именуется в службе «**свейским львом**»; такая метафора поддерживает, подкрепляет текстовое уподобление императора Петра апостолу Петру.

В сопоставлении царя Петра с первоверховным апостолом, исцелившим хромого у ворот храма (этот случай описан в Деяниях апостолов), вновь обыгрывается и факт ранения Карла в ногу, но здесь аналогия основана не на подобии, а на противопоставлении:

Во Имя Иисуса Христа Петр хромого смиренного воздвиже и утвердил; во Имя Тогожде Иисуса Петр ныне гордо ходящего охромил и крепкого обезсил... (Канон, песнь 7).

И еще один аллегорический фрагмент текста службы представляет образ Петра-императора в виде аналогии с апостолом Петром:

Связан верховнейшаго молитвою, святотать летяющий люте падет от воздуха, и сокруши глени, и, иже криле восприял, внезапно ног лишися. Тогоже верховнейшаго молитвами и его тезоименитаго трудими свейский Симон, мняйся от гордыни не по земли ходити, устрелен, охромел на постыдение своей гордости... (Стихира на литии). Здесь нет прямых наименований: автор использует перифразы, называя апостола Петра «*верховнейшим*», императора Петра — «*его тезоименитым*», а шведского короля Карла — «*свейским Симоном*». Образной основой данной аналогии выступает прецедентное событие, известное из апокрифических раннехристианских текстов (в частности «Деяний ап. Петра» и так называемых «Клементин») [см. 5], описывающих духовное противостояние апостола Петра и гордого Симона-волхва. Метафорическое именование Карла «свейским Симоном» вкпе с последующим определением: «*мняйся от гордыни не по земли ходити*» — является отсылкой к тому фрагменту апокрифа, который повествует, как апостол Петр своей молитвой низверг на землю колдуна Симона, пытавшегося взлететь, используя бесовскую силу. Развёрнутая метафора поддерживает уподобление императора Петра тезоименитому апостолу.

Все подобные аналогии ставят царя Петра в один ряд с святыми. Во-первых, потому что император в указанных фрагментах явно или имплицитно сравнивается со святыми, во-вторых, потому что традиционно подобные приемы в гимнографии используются именно для прославления лиц, причисленных к лику святых.

Но в большей степени хотелось бы обратить внимание на другие аллюзии, применяемые автором службы для создания образа Петра-победителя, хотя и не столь явные, как в предыдущих случаях. По всей видимости, именно они дают повод исследователям обвинять Феофилакта не только в излишней напыщенности применяемых аналогий, но и в определенной кощунственности аллегорий, поскольку намекают на сравнение императора Петра с Самим Иисусом Христом.

Прежде всего, в качестве примера такой «кощунственной» аналогии приводятся строки с библейской аллюзией: *...Сниде к нам Господь сил на помощь, и ополчися на врагов наших сильных, и смутит их, творя милость христу Своему Петру...* (Седален) — отсылка к прецедентному тексту Псалтири: «Величаяя спасения царева и творяи милость христу Своему Давиду и семени его до века» (Пс. 17:51).

Однако, думается, что отсылка к словам Давидова псалма — это, конечно, еще не уподобление Петра Христу, а лишь именование царя Петра помазанником Божиим: «ХРИСТОС» — греч. «ПОМАЗАННИК». Скорее, это еще одно имплицитное сравнение Петра с библейским царём Давидом, а не с Иисусом Христом.

Но есть в тексте службы и «другие места, свидетельствующие о несомненно «христологическом» облике царя Петра» [3, с. 41].

Так, предатель Мазепа последовательно сравнивается в тексте с Иудой:

Обрѣтесе ныне послѣдующий зле предыдущему Иуде, обрѣтесе вторѣй Иуда, раб и льстец, обрѣтесе сын погѣбельный, диавол нравом, а не человек, треклятый отступник Мазѣпа... (Седален по 1 стихословию) — аналогия напрашивается вполне определённая: Иуда предал Христа, Мазепа — царя Петра. И если Мазепа сравнивается с Иудой, Петр имплицитно соотносится с Самим Христом.

Характеристика подданных Петра, не поддержавших изменника Мазепу, также эту аналогию подтверждает:

...Да восхвалятся ныне с вами земнии Ангели, не прилепившиися диаволу крамольнику, да почтутся, якоже апостоли, не согласившиися со вторым Иудею Мазепою, но души предавшии за своего владыку... (Стихира по 50-м псалме) — с апостолами, не предавшими своего Владыку Христа, сравниваются подданные царя Петра, оставшиеся ему верными.

И еще одна аллюзия в тексте службы вырастает в неявное сравнение царя Петра с Иисусом Христом: *Равно сонному видению Навуходносорову помышляше король свѣйский, и падѣ на него камень, и здание умышления его разсыпа, и все мечтание исчезе...* (Канон, песнь 7) — король Карл XII представлен в сравнении с ветхозаветным царем Вавилонским Навуходносором, видевшим во сне, как оторвавшийся от горы камень разбил огромного истукана. Этимологическое значение имени Петра — «камень» — позволяет предположить, что под камнем в данном фрагменте метафорически подразумевается царь Петр, рассыпавший замыслы Карла. Но согласно экзегетической традиции, «камень», отколовшийся от горы и разбивший истукана во сне Навуходносора, — это аллегорический образ грядущего Христа, сокрушившего царства идолопоклонников.

Выскажем предположение, что подобное «домысливание» аналогий, соотносящих Петра с Христом, могло и не подразумеваться автором службы. Уподобление же прославляемых в богослужении лиц святым, а описываемых событий — библейской и христианской истории вполне соотносится с гимнографической традицией. Однако традиция эта относится к созданию образа святых, ведь богослужебный текст предназначен для церковного использования, то есть для прославления лиц, канонизированных Церковью. Император же Петр, отношение к деятельности которого у Русской Православной Церкви неоднозначное, не был причислен к лику святых, несмотря на признание многих его несомненных заслуг. Вероятно, это обстоятельство и позволило Ф.Г.Спасскому высказать резкие слова критики в адрес автора сей службы: «Пустая риторика старается вложить в трескучие и пышные словесные формы трубные звуки самоупоения военной победой; мотивы благодарения заглушены и подменены изливаниями гордости и подчас кощунственными и подобострастными сравнениями действий императора Петра с делами святых» [2, с. 320].

1. Миняя. Июнь. Часть 2. М., 2002. С. 384-407.
2. Спасский Ф.Г. Русское литургическое творчество. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. С. 62.
3. Василек В.В. Северная война в гимнографических памятниках Петровской эпохи. (Служба в память Полтавской баталии) // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в.: Материалы международной научной конференции. С.-Петербург, декабрь 2006 г. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 40.
4. Мартынов И.Ф. Три редакции «Службы благодарственной о великой победе под Полтавой» // XVIII век. Л.: Наука, 1974. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. С. 143.
5. Скогорев А.П. Апокрифические деяния апостолов. Арабское Евангелие детства Спасителя. Исследования. Переводы. Комментарии. СПб., 2000. 480 с. [Электр. ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/6/apokrificheskie-dejaniya-apostolov/> (дата обращения: 01.06.2022).

References

1. Mineya. Iyun'. Chast' 2 [Menaia. June. Part 2]. Moscow, 2002, pp. 384-407.
2. Spasskiy F.G. Russkoe liturgicheskoe tvorchestvo [Russian liturgical creativity]. Moscow, 2008, p. 62.
3. Vasilik V.V. Severnaya voyna v gimnograficheskikh pamyatnikakh Petrovskoy epokhi. (Sluzhba v pamyat' Pol'tavskoy batalii) [The Great Northern War in the hymnographic monuments of the Peter the Great era. (Service in memory of the Poltava battle)]. Proc. of "Severnaya voyna, Sankt-Peterburg i Evropa v pervoy chetverti XVIII v.". St. Petersburg, 2007, p. 40.
4. Martynov I.F. Tri redaktsii "Sluzhby blagodarstvennoy o velikoy pobeде pod Pol'tavoy" [Three editions of the "Thanksgiving Service

about the great victory near Poltava”]. In: XVIII vek. Leningrad, 1974. Sb. 9: Problemy literaturnogo razvitiya v Rossii pervoy treti XVIII veka, p. 143.

5. Skogorev A.P. Apokrificheskie deyaniya apostolov. Arabskoe Evangelie detstva Spasitelya. Issledovaniya. Perevody. Kommentarii [The apocryphal acts of the Apostles. The Arabic Gospel of the Savior’s childhood. Studies. Translations. Comments]. St. Petersburg, 2000. 480 p. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/6/apokrificheskie-dejanija-apostolov/> (accessed: 01.06.2022).

Kosheleva T.I. The image of Peter the Great in the liturgical text. The article discusses the ways and means of creating the image of Emperor Peter the Great in the text of the Orthodox service dedicated to the victory of Russia in the Battle of Poltava. The author of the text of the service, Archbishop Theophylact (Lopatinsky), presents the personality of the victorious emperor through the parallels drawn between Peter and the personalities of biblical and Christian history. Sometimes these parallels are expressed in the form of specific comparisons and metaphors, and sometimes they take the form of not immediately discernible hint, allusion. Such analogies put Tsar Peter on a par with the saints and even with Christ Himself, which gave rise to researchers of Russian liturgical creativity to sharply criticize both the text of the service and the image of Peter created in this text.

Keywords: liturgical text, intertextuality, precedent text, precedent event, allusion, reminiscence.

Сведения об авторе. Татьяна Ивановна Кошелева — кандидат филологических наук, доцент; НовГУ им. Ярослава Мудрого, ИГУМ, кафедра филологии; ORCID: 0000-0003-2764-0086; tatkosh68@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.02.2023. Принята к публикации 05.03.2023.

Ссылка на эту статью: Кошелева Т.И. Образ Петра Великого в богослужебном тексте // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 3(48). С. 201-204. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.3(48).201-204

For citation: Kosheleva T.I. The image of Peter the Great in the liturgical text. *Memoirs of NovSU*, 2023, no. 3(48), pp. 201-204. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.3(48).201-204